

ГЕОРГИЙ ГАРИН-МИХАЙЛОВСКИЙ

ПОТЕРЯННАЯ И ВОЗВРАЩЕННАЯ РОДИНА

Георгий Гарин-Михайловский

**ПОТЕРЯННАЯ И
ВОЗВРАЩЕННАЯ РОДИНА**

«Автор»

2026

Гарин-Михайловский Г.

ПОТЕРЯННАЯ И ВОЗВРАЩЕННАЯ РОДИНА / Г. Гарин-Михайловский — «Автор», 2026

Искуснейшие кружева слов вплели любовную историю в летопись двух государств. Франция, 1922 год. Русские эмигранты — потомки французских аристократов, бежавших от гильотины в 1792-м. Век спустя история повторяется: революция заставляет бежать их из дома, превратив помещиков в грузчиков. В нормандском замке доживает свой век пожилая маркиза — одинокая, богатая, ищущая, кому оставить свои миллионы. Известие о существовании русских родственников, всё приводит в движение: признания в любви, сражения за наследство, коварство компаньонки и ночи, где маскарадные костюмы скрывают смертельные тайны. Две молодые дамы бьются за сердце мужчины. Одна готова убить себя, если он скажет «нет». Другая пять лет носила его письма через войну и эмиграцию — и благословляет его на спасение чужой жизни ценой собственного счастья. Это роман о том, как революция вырывает корни, но любовь пускает новые. О том, что родина — это не флаг и не граница, а кровь, язык и те, кто готов умереть за своё имя.

© Гарин-Михайловский Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПОСВЯЩАЕТСЯ ЛИГЕ НАЦИЙ, ЗАНИМАЮЩЕЙСЯ СУДЬБОЙ РУССКИХ БЕЖЕНЦЕВ	5
ПРОЛОГ	6
ГЛАВА ПЕРВАЯ	15
ГЛАВА ВТОРАЯ	21
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

ПОТЕРЯННАЯ И ВОЗВРАЩЕННАЯ РОДИНА

ПОСВЯЩАЕТСЯ ЛИГЕ НАЦИЙ, ЗАНИМАЮЩЕЙСЯ СУДЬБОЙ РУССКИХ БЕЖЕНЦЕВ

«Имя у меня не русское, но сердце у меня русское».

«В России было много эмигрантов из Франции. Дочь маркиза де Траверсэ воспитывалась в Смольном институте. Траверсэ навсегда остались в России».

(Из записок А. С. Смирновой, урожденной Россет)

ПРОЛОГ

Это было в Париже в страшные дни сентябрьских убийств 1792 года, когда заключенные в тюрьмах подверглись внезапному, но систематическому и организованному, массовому и зверскому истреблению во имя Родины и Революции. Мера эта имела не больше практического смысла, чем убийство голубей в осажденной крепости, но те, кто держали в это время в своих руках судьбы Франции, те, кто руководили Революцией, ведя себя на эшафот, рассуждали иначе. Они считали, что раз начинается война с Европой, то между Старой и Новой Францией должна образоваться непроходимая пропасть. А что может быть более непроходимым, чем преступление, какая пропасть может быть более бездонной, чем нечистая совесть... Разве сытость, довольство, мирный труд и спокойная совесть могут вдохновить человека на смерть за Родину, думали эти великие стратеги Революции. Нет, чтобы убивать и рисковать своей жизнью, надо прежде всего превратить эту жизнь в Ад. Надо посеять нищету и недовольство, лишить народ его совести, научить его добывать себе пропитание не тяжким трудом раба, а легкой военной добычей, сделать Родину ненавистной для того, чтобы было легче умирать за нее в близкой Италии и далеком Египте, разноречивой и разноплеменной Австрии и единой по языку, племени и духу Германии, торгашеской Швейцарии, болотистых Нидерландах, суровой Скандинавии, родственной Испании и фантастически-неведомой России. Сентябрьский кровавый поток был, конечно, ручейком по сравнению с последующими гигантскими разливами крови, но Сентябрьский ручеек породил Наполеоновский Потоп, заливший всю Европу и вышедший за ее пределы. Это понимали вожди Революции, и они организовали эти Сентябрьские убийства так, что они легли пятном на душу всего французского народа: они сделали эти преступления анонимными... То, чего не знали стратеги Революции, – это то, что, обрекая на гибель сотни и тысячи невинных людей, они одновременно подписывали смертный приговор и самим себе. Они не предвидели этого, иначе они действовали бы по-другому, но эта слепота не помешала многим из них погибнуть героями, когда на циферблате истории пробил их час. После того, как схлынул Наполеоновский Потоп, унося с собой мираж Империи с ее бесчисленными Королевствами, Франция вернулась к своим прежним границам, к тем границам, которые существовали в дни Сентябрьских убийств... Немезида История показала лишний раз бесполезность самых непостижимых подвигов и величайшего размаха человеческого Гения, если источником их является преступление, а ведь источником были Сентябрьские убийства. Впрочем, не будем предвосхищать нашего рассказа событиями столь отдаленными и вернемся к Парижу в эти безумные дни.

В одной из улиц центральной части города, столь оживленной в другое время — сейчас, во второй половине дня, было необычайно тихо и пусто. Где-то вдали, в сыром осеннем воздухе почти непрерывно слышался гул набата и временами доносился барабанный бой. Редкие прохожие следовали по улице с озабоченным и тревожным видом, часто даже испуганным... Сами дома были замкнуты и неприветливы обликом от наглухо закрытых почему-то окон. В то мгновение, о котором идет теперь речь, на улице не было ни души. Быть может, от этого почти одновременно раскрылись два окна напротив друг друга, и две гражданки, осторожно осматриваясь по сторонам, высунулись из окон и начали через улицу следующий обмен восклицаниями, который трудно было бы назвать торжественным и спокойным словом «разговор»: так часто прерывался он вздохами и встревоженными взглядами по сторонам.

— Ваш муж еще не вернулся? — спросила первая гражданка.

— Нет. А ваш? — спросила ее в свою очередь собеседница.

— Тоже нет. Это ужасно! Вчера он пришел в час ночи, совершенно голодный. Не ел весь день при такой работе. А ушел — не было шести часов утра, и до сих пор его нет. Я радуюсь

только, что он в этом деле участвует лишь в качестве судьи. Никто не посмеет упрекнуть его потом, что он обагрил свои руки кровью.

— Мой тоже только судья. Не понимаю, зачем его привлекли. Ваш муж им действительно полезен: по своей профессии парикмахера он знает всех — и народ, и его врагов — и сразу отличит аристократов. А мой — шлифовальщик оптических стекол — кого он знает? Какая от него польза? Я его спрашиваю, как он голосует? Он говорит: «Как председатель». Ведь он близорук до слепоты, а очки не носит из кокетства, хотя и слепнет из-за работы над ними. Насмешил вчера всех — принял толстого аббата за беременную женщину и потребовал его освобождения.

— Ну, и что же?

— Судьи так смеялись, что попадали со стульев. И его освободили — очень уж смешно было. Вывели аббата к толпе и представили как беременную женщину, а толпа его понесла на руках прямо в родильный приют. Аббат трусил больше, чем роженицы перед родами, а все хохотали и заставили посадить его в горячую ванну. Смех и слезы. Так-то мой муж забавляет народ в наше время.

— А мой мучается еще угрызениями совести. Вчера целый час ворочался в постели, не мог заснуть. Говорит: «Кажется, я одного аристократа не распознал — освободил зря». Такой щепетильный патриот.

— И какое количество этих аристократов оказалось! Сколько вчера их перерезали в разных тюрьмах — подумать страшно, а еще осталось видимо-невидимо. Проклятое семя. Только народ в грех вводит.

— А вы думаете, это грех? Это просто справедливость. Сколько они нас убивали! Не беда, если и мы их немножко поубавим. Я только против того, чтобы самому убивать. Палач всегда останется палачом, а судья — почетная должность.

— Кто говорит о палачах? — вмешался вдруг в беседу глухой мужской голос снизу. — Или, может быть, так называются патриоты, истребляющие врагов народа?

Вопрос, однако, остался без ответа. Оба окна наверху мгновенно захлопнулись, и обе гражданки скрылись. Из подвального этажа высунулась голова старика в красном фригийском колпаке и стала внимательно всматриваться в окна верхних этажей.

Но это любознательное занятие непрощеного собеседника было тотчас прервано появлением — с барабанным боем и карманьолой — группы убийц, также в красных колпаках и в одеждах, забрызганных кровью. Они были вооружены самым разнообразным оружием: от вил и топоров до алебард, пик, кавалерийских сабель и шпаг, кинжалов и мясных ножей. Оружие было перевязано трехцветными лентами не первой свежести и сплошь в запекшейся крови. Перед толпой мальчишки и молодые девушки плясали карманьолу и пели «Ah! Ça ira!...». Из многих окон высунулись граждане и гражданки и приветствовали криками проходивших. Из подвала вышел в засаленном фартуке и с недоконченным башмаком сторбленный старик в очках и в красном колпаке. Башмачник смотрел с восторгом на проходившую толпу убийц.

— Вот это патриоты! Будь я моложе, я бы от них не отстал! — воскликнул он.

Но лишь кончилось шествие, улица снова опустела. Окна в домах захлопнулись, и все приняло прежний настороженный и неприступно-мрачный вид. Как вдруг на мостовую упал булыжник. Башмачник поднял камень и стал опять пристально смотреть на окружающие дома. С камнем в руке он говорил сам с собою:

— Вот так подарок! Увесистый. Проломает голову хоть кому. — Поворачивая камень, он заметил привязанную веревкой записку. — Эге, да здесь любовная записочка! Прочтем. Может быть, для меня. Приблизив записку к очкам, он прочел: «Взявший меч от меча и погибнет».

Старик рассмеялся:

— Вот нашелся христианин! Запустил в нашу Революцию камнем, как и иудей в грешницу. А что сказал гражданин из Назарета? «Пусть бросит камень тот, кто сам без греха». Да.

Когда я родился, у меня этого горба не было, и когда 20 лет минуло, его тоже не было. А вот теперь, на 69-м году, горб. Пришло наше царство, а выпрямиться и не могу. Это тоже так ползается. Одни делят жизнь между праздностью, роскошью и удовольствием, а другие — между трудом, нищетой и голодом. — Башмачник показал воображаемому собеседнику на свой горб. — Человека искалечили, чтобы он другим бальные туфли делал — моя специальность была. Они танцуют, а я сижу и стучу — горб рашу. Они не знают, какое новое кушанье выдумать, а я не знаю, чем живот набить. И все почему? Потому что я работаю, а они — нет. Нет, шалишь. Теперь мы потанцуем... А ты, безгрешный христианин... — он обернулся туда, откуда, по его мнению, был брошен камень. — Я тебя познакомлю кое с кем. Как у нас говорится? «Кто хочет поцеловаться с молодой дамой, должен просунуть голову в маленькое окошечко и чихнуть в корзину». Ха-ха-ха-ха! Эта молодая дама — дочь великого патриота Франции, благодетеля Человечества — Доктора Гильотена, и зовут ее Луизетта. Пойду в Комитет с вещественным доказательством. Там поищут в этих домах. Вот я и помогу нашей бедной Родине. Свобода, равенство и братство или Смерть. Свобода, равенство и братство — это для народа, Смерть — это аристократам. Так я и пишу на внутренней подошве своих изделий, — внутренней, чтобы не стиралось: свобода, равенство и братство — народу, Смерть — аристократам.

Башмачник бросил недоконченный башмак в окно подвала и ушел с булыжником в руках.

Вскоре после его ухода появились два молодых человека, лет 22–23, из которых один был забрызган кровью с головы до ног. Это были братья маркизы де Траверсэ — Андре и Виктор. Они шли торопливо, почти бегом, озираясь вокруг. На улице никого, кроме них, не было. Они подошли к одним воротам и трижды постучали в них молотком. Между воротами и дверями в дом находилось пространство, крытое навесом, нечто вроде закрытого внешнего двора. На стук из дома к воротам вышли маркиз де Траверсэ, старик лет пятидесяти пяти, худощавый и стройный, казавшийся моложе своих лет благодаря безупречному сложению и гибкости, унаследованной его сыновьями, и его красавица дочь, семнадцатилетняя девушка Анжелика с большими синими глазами. Анжелика вышла вместе с маркизом, держа его за руку так, как будто боялась, что он сейчас от нее убежит. Вслед за ними на звук отпираемых ворот показалась ветхая старушка — лет восьмидесяти, а, может быть, и больше, мать маркиза, тоже спешившая навстречу своим внукам, неведомым чутьем угадывая их приход.

Когда ворота открылись и молодые люди вошли в пространство под навесом, то маркиз бросился к своему сыну Андре, забрызганному кровью. К нему же бросились затем и сестра, и бабушка. Все по очереди обнимали и целовали его, говоря все вместе:

— Андре — ты жив?! Какое чудо!

Слезы смешивались с поцелуями и объятиями.

— Как ты спасся из этого Ада — от этих чудовищ?.. — восклицали бабушка, отец и сестра.

Когда наконец Андре получил возможность говорить, он сказал, оглядываясь на запертые снова отцом ворота:

— Сейчас расскажу. А нас не видят и не слышат?

Маркиз, лицо которого за последние месяцы носило печать постоянной душевной тревоги, но сейчас сияло давно невиданной радостью, успокоил сына:

— Нет. Здесь лучше, чем в доме. Тут глухая стена и ворота. Говори без страха.

Андре смотрел на свою семью с невыразимым блаженством, казалось, он хотел продлить до бесконечности этот счастливый миг встречи с родными.

— Я был в тюрьме Ля Форс. Очередь до меня дошла около полудня. Меня вызвали и спросили — кто я, и когда я назвал себя, председатель просто махнул рукой, это значило — все кончено. Как вдруг один из судей вскочил. Это, Виктор, наш с тобой молочный брат — Франциск...

Вся семья воскликнула:

— Франциск! Какое счастье!

Андре сделал жест, чтобы его не перебивали.

— Он закричал: «Граждане! Этого маркиза я требую отдать мне и дать ему свободу — он заслужил ее. Он защищал меня от королевских жандармов, которые бросились на меня с обнаженными шпагами за то, что я подстрелил пару зайцев в Версальском парке. Этот маркиз защищал меня с оружием в руках, меня — сына народа, рискуя Бастилией, тогда, когда нас стреляли, как куропаток, и рубили, как капусту. Это настоящий патриот, и он пригодится для Родины...» Меня освободили с триумфом, и я оказался в живых неожиданно для себя и всех других. Но сколько крови!.. Сколько крови!.. И весь я забрызган ею. Эти люди обнимали и целовали меня в одежды, запачканных кровью, стоя в лужах крови среди трупов и умирающих. Правда, умирали быстро, но столько человеческой крови я никогда не видел... — Андре закрыл лицо руками. — Эти минуты я буду помнить до Страшного Суда. Из тюрьмы я бросился бежать, пока не очутился у Сены, и там рыдал, как дитя. Когда я пришел в себя, рядом со мною был Люсьен, который бежал за мной и кричал, а я не слышал. Он не мог догнать меня и потом разыскал меня между какими-то сваями на берегу Сены. Люсьен привел меня к Виктору. Но что было... что было...

Бабушка в ужасе перекрестилась. Маркиз и Анжелика, потрясенные до глубины души, говорят Андре:

— Андре, это сам Господь послал тебе Франциска.

В этот момент на улице появилась новая группа, в середине которой находился высокий молодой человек, одетый в скромное темное платье. Тонкие, правильные черты лица были покрыты смертельной бледностью, на шее болталась веревка, за которую его вели. На шее виднелся кровавый рубец от постоянного дерганья за веревку. Вокруг него толпа, главным образом подростки и молодые девушки, а во главе был мясник с огромным ножом, увитым трехцветной лентой. Толпа в красных колпаках пела и плясала карманьолу.

Мясник остановил шествие и обратился к толпе и прохожим:

— Вот, граждане, полюбуйтеесь!

Маркиз, стоя под навесом и глядя в щелку ворот, как и вся семья Траверсэ, за исключением бабушки, не выпускавшей из своих рук Андре, не мог удержаться от восклицания:

— Это Анри Сан-Люк! В каком ужасном виде!

Андре и Анжелика испустили крик.

— Это он! Это он!

Виктор остановил их:

— Тише! Тише! Иначе мы погубим и себя.

Мясник продолжал:

— Полюбуйтеесь, граждане, говорю я вам. Перед вами истинный патриот. Мы нашли его плачущим, как женщина, над трупом аристократки, казненной по приговору Народного суда. Этот гражданин, конечно, тоже аристократ, хотя и уверяет, что он столяр. Посмотрите на руки этого красавца — бывают ли такие руки у нашего брата, рабочего люда? Видели ли вы такую шею, которая привыкла к кружевам и не выносит нашего простонародного жабо, именуемого веревкой? — Он захохотал и дернул Анри Сан-Люка за веревку. — Посмотрите на эти кровавые следы. Клянусь, у наших дочерей нет такой нежной шеи. И этот человек, вместо того чтобы радоваться истреблению врагов народа — распускает нюни над чем? Над своей мертвой невестой, как будто во Франции не осталось живых невест для этого красавца? А что вы думаете, гражданки? Не отказались бы вы от такого муженька? Он бы стирал вам пеленки, чистил картошку и нянчил детей... Ха-ха-ха-ха! Не правда ли? Или вы хотите себе в мужья настоящего мужчину-патриота, могущего с оружием в руках защищать и жену, и Родину, а не эту плакучую иву? Что делать с этой плакучей ивой?

Все женщины в один голос закричали:

— Срубить! Срубить! Нам такой бабы не надо! Давайте нам мужчин с мясом и костями.

Где ему стряпать детей... Ха-ха-ха-ха!

Одна толстая женщина выскочила из толпы и вонзила ему в бок кинжал.

Юноша вздрогнул, но не издал никакого звука.

А она воскликнула:

— Радуйся, что твоя невеста умерла! Как бы ты справился с нею в свадебную ночь?

Раздался хохот. Толстая женщина сказала окружавшим ее женщинам и девушкам что-то, отчего хохот стал оглушительным.

— Не оскорбляйте мертвых! — вырвалось у Анри.

Толпа стала бить его по щекам и плевать на него, приговаривая:

— А ты не оскорбляй живых своей жизнью.

Толпа бросилась на него, желая убить, но мясник вмешался:

— Оставьте! Мы должны его прежде показать всему Парижу, чтобы весь город знал, что в день национального праздника истребления врагов народа никто не смеет печалиться. Веселье и радость да будут во всей Франции! Да здравствует Народный суд! Смерть врагам Родины! Смерть аристократам! Мы проведем этого аристократического агнца по всему Парижу, а потом принесем его в заклание на алтарь Родины и Революции.

В это время с барабанным боем, гиком и криком подошла толпа убийц, как мы описывали в начале Пролога, в красных колпаках, в одеждах в крови и с разнообразным оружием, увитым трехцветными лентами. Впереди шел комиссар мрачной наружности с трехцветным шарфом на левой руке.

При виде новой группы Сан-Люк бросился перед комиссаром на колени.

— Прошу вас, пощадите меня! Я ничего не сделал Республике и Народу. Освободите меня от этих чудовищ, таскающих меня по городу с веревкой на шее. Я весь изранен от ударов ножами и кинжалами. Если я заслужил смерть, то убейте меня сразу.

Комиссар строго обратился к мяснику:

— В чем дело, гражданин? Что это за комедия с веревкой? Если это враг народа, передайте его нам — судьям, если нет — освободите!

И не дожидаясь, он сам снял веревку с шеи Сан-Люка, который снова встал. Мясник, однако, запротестовал:

— Гражданин Комиссар, это — аристократ, скрывающий свое имя. Он оскорбил народ выражением своего личного горя в день святого праздника истребления врагов народа. В то время, когда все граждане радуются и ликуют по случаю очищения Родины от ее изменников, когда настоящие патриоты пляшут карманьолу над трупами аристократов, этот человек изображал плачущую иву над казненной по приговору суда аристократкой, называя ее своей невестой. При этом он говорит, что он — столяр, хотя руки у него говорят обратное, да и виданное ли дело, чтобы у аристократки был жених-столяр? Гражданин Комиссар, мы арестовали его, потому что человек, плачущий в день освобождения народа от врагов, будет радоваться в день его порабощения. Не правда ли, граждане?

Но афоризм мясника не убедили Комиссара.

— Вздор! Трупам радуются только гробовщики. Освободите его немедленно, если за ним нет других повинностей. Народ нельзя оскорбить слезами аристократов.

Тут выступила толстая женщина, истинная зачинщица истязаний над Сан-Люком:

— Этот человек проклинал Революцию и народ за то, что они лишили его будущих брачных наслаждений с аристократкой. Я слышала собственными ушами, как он кричал: «Проклятие Революции и убийцам ни в чем неповинных девушек!» Девушка она или нет — я не знаю, это ведь не видно. Однако называть невинной казненную по суду и клеймить народных судей убийцами — что же это, разве не оскорбление народа и Революции?

На лбу у Комиссара появилась складка, и он спросил Сан-Люка:

— Это правда, гражданин?

Сан-Люк отступил и заговорил, глядя прямо в лицо Комиссару и толпе:

— Нет, это ложь! Я не проклинал Революцию, но я говорил о невинности моей невесты.

Да — она невинна, потому что вся ее вина лишь в том, что она не родилась в крестьянской семье. Но я не хочу защищать ее перед этими чудовищами, и она не нуждается в моей защите от вашего суда, так как сейчас она под защитой Верховного Судьи, перед которым предстанете и вы.

Толпа уже готова была броситься на Сан-Люка, но Комиссар удержал ее жестом. Сан-Люк продолжал с новой силой:

— А жить среди этого народа, отнявшего у меня самое святое и попирающего в своем ослеплении все человеческое и божеское в угоду своим звериным страстям — я не хочу. Да, те, кто убили мою Ренэ, — убийцы, кем бы они ни были. Да, и я виноват в том, в чем виновна моя невеста: я тоже не родился в крестьянской семье. Я не хочу скрываться. Если вы убили ни в чем не повинную девушку — убивайте и меня. Я не хочу вашей милости — я граф Анри Сан-Люк. И я проклиная ваш кровавый Молох — Революцию, и на жрецов ее, приносящих человеческие жертвы, я призываю возмездие Всевышнего. Проклятие убийцам! Да здравствует Франция!

Толпа с диким ревом бросилась на Сан-Люка и убила его. Потом ему отрубили голову и с триумфом понесли ее на пике под барабанный бой и карманьолу.

Улица опустела. На мостовой остался лежать обезглавленный труп.

Во время этой сцены маркиз де Траверсэ увел свою старую мать в дом. Андре, Виктор и Анжелика с непередаваемым ужасом смотрели, не говоря ни слова, в щелку ворот. Когда толпа исчезла, у всех троих были на глазах слезы.

— Бедный Сан-Люк! Бедная Ренэ де Вальмон!.. — сказал Виктор.

— Ей нет восемнадцати лет, — сокрушалась Анжелика. — Она старше меня на два месяца. Она погибла из-за своих братьев-эмигрантов, из-за имени. Какую могла она представить опасность для Революции.

— Второй день такие сцены на каждом шагу, — вздохнул Андрэ. — У нас в тюрьме все говорили, а я не верил, пока не убедился сам.

Но Виктор вернул их к настоящему.

— Довольно. Живые должны думать о живых и спасать друг друга. Мы пока еще живы — вся наша семья. Пока. А через час, или день, или месяц — кто знает, кто из нас останется в живых. Андрэ — ты младший сын. Ты только что избег смерти, ты должен спасти нас всех. Я все подготовил. Вот деньги, вот паспорт. У Порт-Рояля сегодня ровно в десять часов вечера тебя ждет наемная карета с Люсьеном, и ты отправишься в Англию.

— Я? В Англию?! — воскликнул ошеломленный Андрэ. — А вы?

— Ты или я, — твердо ответил Виктор. — Если бы ты погиб сегодня, я поехал бы сам. Но, к счастью, этого не случилось. Мой долг старшего сына заставляет меня не бросать нашего отца, который стар, и женщин. Но тот же долг старшего сына заставляет меня заботиться обо всей семье. Ты поедешь в Англию с Люсьеном. Там у нас есть люди и организация. Ты устроишь нам отъезд в Англию, если для этого будет малейшая возможность.

— Если бежать, то всем вместе! — не соглашался Андрэ.

— Нет — пять человек, отправляющихся в Англию, из них трое мужчинам, сейчас — верная смерть всем, — говорил с убеждением Виктор. — Я устроил возможность уехать для тебя одного. Люсьен проводит тебя, однако только до Канала. Этот старый и преданный слуга нам сейчас совершенно необходим.

— Но как я оставлю вас одних? — с отчаянием смотрел на брата и сестру Андрэ. — В этом городе воздух отравлен кровью. Как я могу оставить вас!.. А если вы все погибнете?

— Возможно, — грустно согласился с ним Виктор. — Надежда только на Бога. Но мы сделаем все, чтобы не погибнуть, пока ты не устроишь нам отъезд. Сейчас Франция — страна безумия и преступлений. Единственное средство спастись — бежать. И так как мы не можем бежать все сразу, то пока спасайся ты. — Он поцеловал брата. — Андрэ, ты должен это сделать для всех нас.

Анжелика с блестящими глазами уверяла Андрэ:

— Андрэ, будь спокоен. Я останусь с Виктором и клянусь тебе — мы будем благоразумны.

Андрэ горько усмехнулся:

— Какое может быть благоразумие во время Революции. Все — случай. Анри Сан-Люк не был в тюрьме и оказался убитым. Я сидел в тюрьме и был помилован. Сейчас убивают заключенных, но не только заключенных. Теперь нельзя клясться в благоразумии, теперь можно только молиться.

Анжелика смотрела на брата в экстазе.

— А ты не веришь в молитву, Андрэ? Я так молилась эту ночь за тебя. Я обещаю тебе, я буду так же молиться за всех все время разлуки.

Андрэ поцеловал сестру со слезами на глазах.

— Ты дитя, Анжелика.

— Но я не дитя, Андрэ, — вмешался Виктор. — Я говорил с отцом. Если ты не уедешь сегодня, то ты только погубишь себя и нас. Подумай — ты ведь уже был в тюрьме, а по нашим временам, кто побывал в тюрьме, является первым кандидатом, чтобы попасть туда снова. Если ты останешься с нами, то навлечешь на нас подозрение. А подозрение теперь равносильно смерти.

Андрэ задумался.

— Да, ты прав — я навлеку на вас подозрение. Я не подумал об этом, — сказал он, помолчав, и вдруг обратил внимание на свой костюм. — Но как я могу ехать так — весь в крови.

Виктор взял брата за руку.

— Ты переоденешься в мое платье. Пойдем в дом. Нельзя мешкать ни минуты. Мы выйдем сейчас с тобой и пойдем к лицу, которое даст нам все сведения о Лондоне. А потом ты один отправишься в Порт-Рояль.

Андрэ, однако, не двигался с места.

— Но у меня сердце разрывается на части, когда я думаю, что оставляю вас сейчас в Париже.

Виктор и Анжелика воскликнули одновременно:

— Андрэ, Андрэ! Ты нас спасешь!

Братья ушли в дом. Анжелика, оставшись одна, вынула медальон из корсажа, долго смотрела на него и решила.

— Я отдам мою святыню, портрет моей покойной матери, Андрэ. Пусть она будет всегда с ним и спасет и его, и нас от гибели.

Через короткое время под навес вышла снова вся семья — бабушка, отец и братья. Андрэ уже успел одеться по-дорожному. Произошла сцена прощания, столь частая в эти времена, когда семьи расщеплялись, как сухое дерево под ударами топора, расщеплялись в большинстве случаев для гибели порознь. Слезы, объятия и поцелуи чередовались с восклицаниями отчаяния и робкими возгласами надежды на встречу.

Анжелика отвлекла брата в сторону и дала ему свой медальон.

— Возьми. Это наш талисман — портрет нашей матери.

Андрэ заплакал, снова задержался и опять стал прощаться. Бабушка благословила внука, ставшего на колени и целовавшего ей руки.

— Милый мальчик, я-то тебя, наверное, не увижу, — проговорила сквозь слезы бабушка.
— И я. И я, — добавил маркиз, тоже в слезах.

Виктор прекратил эту тягостную сцену, чувствуя, что и сам готов разрыдаться.

— Довольно слез. Не плачьте. Подумайте — Андрэ был на волосок от смерти и сейчас он жив. Он счастливый. Бог спас его, чтобы он мог спасти всех нас. Мы все увидимся в Англии. А теперь прежде всего благоразумие.

Виктор оторвал Андрэ от семьи.

— Клянусь вам, если я не смогу вас вывезти в Англию, я приеду к вам сам, хотя бы на верную смерть, — говорил Андрэ, стараясь продолжить сколь угодно расставание с теми, кого он любил больше самого себя. — Не прощайте, а до свидания.

Бабушка, отец и сестра радостно подхватили:

— До свидания! До свидания!

Братья вышли за ворота. Как вдруг Анжелика выбежала одна на улицу, схватила Андрэ под руку и сказала ему:

— Помни, что я с ними. И я спасу их. Так мне говорит Господь. Прощай.

Но брат ее поправил:

— Нет, не прощай, а до свидания.

Виктор укоризненно воскликнул, обращаясь к сестре:

— Это безумие — прощаться на улице. Вспомни, где ты — в Париже!

Анжелика не слушала его, глядя только на Андрэ.

— Да, да. До свидания. Конечно, до свидания.

Она вернулась и вошла в незакрытые ворота, когда братья скрылись за углом. Здесь она опустилась на скамейку и заплакала, прижавшись к отцу и бабушке. Затем маркиз встал, запер ворота, и все вошли в дом.

На улице появилась женщина с ручной базарной корзинкой, полной всяких припасов. Она вела за руку трехлетнюю девочку. Навстречу ей шла другая женщина.

— Добрый день, гражданка, — приветствовала ее женщина с девочкой.

— Вернее, добрый вечер, гражданка, — любезно отвечала та. — Что это вы так поздно с базара?

— Да какой же сегодня базар. Я попросила мою тетю, она живет у самого рынка, купить мне на обед, а та оставила мою корзинку у кого-то — да по старости лет и забыла где. Из-за этих процессий — понимаете.

— Понимаю. И только теперь нашли?

— Только теперь.

Обе заметили обезглавленный труп. Женщина с девочкой перекрестилась, говоря:

— Я уж сегодня насмотрелась на всю жизнь.

Ее собеседница подняла рукой плащ.

— Господи Иисусе! Весь истыкан, как решето! Бедняга. А знаете, это приносит счастье — кровь казненных и кусочек их одежды.

Она обмакнула платок в крови и оторвала кусочек одежды.

— Разве? — недоверчиво улыбнулась женщина с девочкой и сделала то же самое, кладя кусок одежды и окровавленный платок в корзину. Затем она обратилась к своей маленькой дочке, рассматривающей труп:

— Пойдем, Жанна, моя милая.

— Мама, а где у этого дяди голова? — спросила с любопытством Жанна.

Все три пошли вместе. Не успели они скрыться за тем же самым углом, за которым так недавно скрылись братья маркизы де Траверсэ, как раскрылось окно, и из него высунулась красивая молодая девушка. Она оглянулась вокруг и, видя, что никого нет, бросила красную розу, упавшую в грязь рядом с трупом. Окно захлопнулось.

Вскоре на улице появился возвращавшийся с булыжником в руках башмачник. Он шел, громко рассуждая сам с собой.

— Только что был в Комитете. Ни души. Какая-то гражданка мне сказала: «Все ушли — кто судить, кто резать». И прибавила по моему адресу: «А вам бы надо было дома сидеть, старый урод, и не таскаться с булыжником в руках по городу в такие времена». Вот как непочтительно выражаются о патриотах, исполняющих свой гражданский долг, да еще и колпак мне на голову напялила. Дерзость какая. А!

Дойдя до обезглавленного трупа, башмачник стал его разглядывать.

— Вот кавалер без головы, но с розой, — философски заметил он.

Затем он поднял розу и сунул ему в руку, а в другую положил булыжник с запиской.

— А здесь камешек с любовной запиской. Если живые смеются надо мной, почему мне не посмеяться над мертвецом.

В это время все окна растворились, и из всех них стали падать красные розы без конца. Башмачник смотрел с раскрытым ртом на это зрелище. Розы падали, не переставая...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В замке Сан-Этьен в Нормандии, ныне принадлежавшем маркизе Анжелике де Траверсэ, было большое торжество — праздновалось семидесятилетие владелицы замка. 1852—1922 гг. — целая эпоха, и короткая человеческая жизнь не могла вместить столько событий, столько перемен без ропота. Маркиза де Траверсэ с трудом мирилась с XX веком. Достаточно было посмотреть на нее сейчас, в жаркий июльский день, как она, бодрая старушка в светлом летнем платье старого покроя, вместе со своей пожилой компаньонкой мадам Дарбье заботливо расставляла в вазочках цветы в залитом солнцем «большом зале» замка, чтобы заметить сразу, что это женщина прошедшего века. Она во всем имела свой давнишний порядок и даже в расстановке цветов следовала ему с педантичностью лучших времен. Рядом с ней мадам Дарбье, совершенно высохшее скелетообразное существо с хищным выражением лица, настороженно следившая за всеми движениями маркизы и исполнявшая с подчеркнутым вниманием ее указания, наоборот, несмотря на свой значительный возраст, казалась олицетворением современности — энергичной, эгоистичной и бесполой. Боже нас сохрани, однако, этой краткой характеристикой исчерпать философский смысл XX века, который еще далеко не кончился.

Эта «большая зала», где теперь маркиза де Траверсэ и мадам Дарбье занимались столь важным делом, была замечательна тем, что здесь хранилась фамильная портретная галерея предков маркизы, чудом уцелевшая после революции 1789 года и дополненная новыми отпрысками рода Траверсэ в эпоху Реставрации, Июльской монархии и Второй империи. Для характеристики маркизы прибавим, что «III Республика», — сюда относились покойные братья владелицы замка и их потомство, — находились наверху в «малом зале», ибо они «не соответствовали стилю», по мнению маркизы, остальной фамильной галереи. Она инстинктивно чувствовала, что с этой Республикой начинается новая эпоха, ни в малейшей мере не похожая на прежние: нечто вроде библейского деления истории Человечества на до и после Потопа. Маркиза любила своих братьев и их детей неизмеримо больше, чем всю свою блестящую галерею предков, но... любя их, она тем не менее не могла простить им тех неизбежных житейских компромиссов, без которых невозможно существование в наше время старой феодальной аристократии. Эти компромиссы она переживала как величайшее социальное унижение, и при всей своей любви к самым близким ей людям она презирала их за «измену своему роду». За последнее она и изгнала их из «большого зала» и перевела в «малый». При этом в «малом зале» маркиза проводила гораздо больше времени, чем в «большом», и часами могла смотреть на дорогих «изменников», со слезами на глазах вспоминала их и свою юность. Таковы противоречия человеческой природы, высшая мудрость коей заключается не в устранении этих противоречий, а в мирном и гармоничном их сожительстве.

Сама маркиза не могла бы отдать себе отчет, в чем же заключался «стиль» фамильной галереи «большого зала», нарушенный служителями III-ей Республики из прославленного рода. Галерея дышала разнообразием. Здесь были и закованные с головы до ног в сталь Крестоносцы, ослепленные только одной мечтой, заключавшей в себе весь смысл существования на Земле Человечества: «Освобождение Гроба Господня от неверных». Здесь были и царедворцы Франсиска I — бесстыдные, себялюбивые под маской лукавой надменности, затем великолепные фавориты Людовика XIV и величественные, пышные грансеньеры, вся жизнь которых принадлежала государству, воплощавшемуся в личности Короля-Солнца, после шли изнеженные маркизы времен Людовика XV, чувствительные и беззаботные скептики и вольнодумцы, с одинаковым энтузиазмом увлекавшиеся женщинами и идеей освобождения Человечества от всех навязанных ему пут, и наконец галерея кончалась чопорными сановниками Второй империи с пустым и холодным взглядом, стремившимися повторить великий мираж

человеческого гения — Наполеона I — и создавшими тусклый маленький мираж напыщенной посредственности, каким был Наполеон III. Что было общего между этими маркизами де Траверсэ, кроме их имени и некоторого родового физиологического сходства? Если бы они могли сойти со своих портретов и ожить, то они наверняка бы не поняли друг друга. Все было у них разное: одежда, внешность, привычки, вкусы, мирозерцание и даже душевный склад — каждый из них был сыном своего века, хотя и находился на вершине социальной пирамиды. Правда, если бы кто-нибудь вошел в это мгновение со стороны и крикнул им — *Vive la France!* — то все бы они ответили громовым раскатом, подхваченным и наверху, в «малом зале» — *Vive la France!* Франция и Траверсэ были одно и то же. Так по крайней мере думала всегда маркиза Анжелика де Траверсэ.

— Вот так, мадам Дарбье. Это сюда. А это сюда, — распоряжалась она. — Ну, как вы находите теперь? Красиво. Не правда ли? Похоже это на мой праздник?

Мадам Дарбье ответила, осмотрев с многозначительным взглядом цветы:

— Ваш вкус вам никогда не изменяет, маркиза. Это восхитительно.

Вошел лакей и объявил:

— Граф Сан-Люк, маркиза.

Маркиза радостно улыбнулась.

— Просите немедленно, Люсьен.

Лакей удалился.

— Я вам больше не нужна, маркиза? — с ревнивым вздохом спросила мадам Дарбье.

— Благодарю вас, мадам Дарбье, нет, — простодушно сказала маркиза. — Прошу вас распорядиться, чтобы чай был в назначенное время, как всегда. Если мне захочется поехать с вами, я вас предупрежу. Вы согласны?

— Само собой разумеется, маркиза. Сопутствовать вам — моя самая приятная обязанность.

Мадам Дарбье направилась к двери, но на пороге встретила с графом Анри Сан-Люком, элегантным и тоже бодрым стариком, совершенно лысым. Он вошел с небольшим пакетом в руке. Мадам Дарбье постаралась сделать приветливое лицо.

— Добрый день, граф.

— Добрый день, мадам Дарбье, — воскликнул радушно Сан-Люк. — Какая счастливая встреча!

Мадам Дарбье, видевшая во всем иронию, не преминула ответить:

— Для меня, граф. Простите, я должна удалиться, чтобы исполнить приказания маркизы. И она скрылась не без огорчения.

Маркиза де Траверсэ, не дожидаясь прихода Сан-Люка, пошла ему навстречу.

— Здравствуйте, дорогой Анри. В нашем возрасте мы можем называть друг друга по именам даже при свидетелях. Сегодня я особенно рада видеть вас. Отгадайте, почему?

Она смотрела с лукавством на графа, целовавшего ей руку.

— Сегодня день вашего рождения, Анжелика.

— А сколько мне лет? — допрашивала маркиза.

— Гм. Это вопрос дипломатический...

Граф загадочно улыбнулся.

— Но ведь вы дипломат и золотить пилюли — ваше ремесло. Кроме того, нет нескромных вопросов, есть только нескромные ответы, как говорит мой любимый автор Оскар Уайльд.

Сан-Люк рассмеялся.

— Нам с вами 144 года, Анжелика.

— Bravo, Анри. Мне 70 лет. Хорошенький возраст для барышни. Скоро меня, пожалуй, назовут старой девой. Вот до чего я дожила. Ну, посмотрю, какой вы скажете мне теперь комплимент.

— Скажу вам только правду — я завидую вам. Ведь я на 4 года старше вас. Я родился в один день с Третьей Республикой в феврале 1848 года, а вы при Второй империи. В ваши годы я чувствовал себя юношей. А теперь постепенно и незаметно вхожу в зрелый возраст, что выражается в наклонности язвить над молодежью. Так, например — вы знаете, какой я принес вам подарок на рождение? Подлинную гравюру того самого бала в министерстве иностранных дел в 1869 году, на котором мы с вами впервые встретились. — Сан-Люк развернул гравюру. — Здесь вы найдете всех ваших знакомых — императора, императрицу, министров-приятелей вашей семьи и, наконец, маркиза, вашего отца, в ослепительной форме церемониймейстера. Вас и меня там не изобразили по молодости лет. А вот красавец Дмитрий Нарышкин — мой соперник, военный атташе русского посольства в белом кавалергардском мундире, с которым вы так много танцевали в тот вечер, к моему величайшему бешенству. Нарышкин... Эту проклятую фамилию я никогда не забуду, ибо он разбил мне жизнь. И ведь я встретился с ним больше 35 лет спустя на открытии моста Александра III в Париже, рядом с Николаем II стоял старый генерал-адъютант: я узнал в нем молодого кавалергарда, изображенного на этой гравюре. Он постарел очень, так же, как мы с вами; видите, и я умею говорить дерзости, но узнать его можно было прекрасно. На тогдашних празднествах я ему напомнил старое доброе время Второй Империи, и он вспоминал его с удовольствием настолько, насколько это было ему возможно в качестве гостя Третьей Республики...

Маркиза была поглощена рассматриванием гравюры.

— Поистине вы стареете, Анри. Поднести такой подарок в день рождения! А если бы у меня были гости, что бы они подумали о моем возрасте, раз я танцевала на балах уже в 1869 году. И так на днях четырехлетний мальчик, правнук моей подруги, спросил меня: «Мадам, вы очень стары, вы, наверное, знали Господа Бога». Я ему ответила: «Нет, мой милый, я не так стара, как ты думаешь, но я скоро познакомлюсь с Ним и попрошу много игрушек для тебя». И я ему послала ворох игрушек с запиской «от Господа Бога»... Да, да, Анри, хорошо, что здесь нет никого посторонних, мы одни смотрим на эту предательскую гравюру.

Сан-Люк решительно возразил:

— Никто из гостей не поверил бы вам, тем более, что вы нисколько не изменились с тех пор. Нисколько.

Маркиза удивленно обернулась.

— Как? Вы хотите сказать, что в семнадцать лет я была так же безобразна, как сейчас?

— Да, в отношении меня. Я признаюсь в том, что Нарышкин разбил мне жизнь, а вы рассказываете мне про игрушки четырехлетнему мальчику. В этой гравюре вся история моей любви к вам, Анжелика.

— Но ведь, Анри, история нашей любви, увы! принадлежит истории. — Глаза маркизы с грустью остановились на Сан-Люке. — Все это прошло безвозвратно, как и тот бал полстолетия тому назад. И потом — как мог Нарышкин разбить вам жизнь, когда вы были трижды женаты, имели много детей, внуков и внучек, сделали блестящую дипломатическую карьеру и были счастливы, несомненно? Разве можно сравнить вашу жизнь с моей, ушедшей только на других, хотя бы эти другие были мои родные братья и их дети?

— Разница между мужчиной и женщиной заключается в том, что мужчина понимает, в чем эта разница, а женщина нет. Вы никогда не поймете, почему я женился первый раз, а, овдовев, женился второй раз и, овдовев второй раз, женился третий раз, продолжая любить только вас. А я отлично понимаю, почему вы трижды отказали мне, испытывая самые нежные чувства. Ведь я трижды делал вам предложение, когда вам было семнадцать, сорок и пятьдесят. Все три раза вы начинали ваши отказы со слова «смешно». Первый раз вам было смешно, потому что казалось рано, второй и третий — потому, что казалось поздно. Ах, вы были так очаровательны тогда, тридцать лет тому назад! О, вы и не подозреваете, как безумно хороши были вы тогда!

Маркиза засмеялась:

— Вот разговор становится откровенным! Комплимент прошедшей красоте — это самая горькая пилюля, Анри, которую ничем не позолотишь. Но я и сейчас скажу вам: начинать брачную жизнь для женщины в сорок или пятьдесят лет смешно.

Граф в возбуждении встал с кресла.

— О, если бы я был академиком, я бы вычеркнул слово «смешно» из французского словаря. Мы, французы, владели бы всем земным шаром, если бы нас всегда и во всем не останавливало это слово «смешно». А это не «смешно», когда Господь Бог послал Сарре, жене Авраама, ребенка в 90 лет? Вся Библия полна таких «смешных» казусов, над которыми, однако, никто не смеется. Я проклинаю слово «смешно» и имею на то право — я чуть не умер из-за него. Не делайте, пожалуйста, таких больших глаз. Я стрелялся после вашего вторичного отказа. Мне было тогда сорок четыре года, и я был уже посланником, но я был влюблен в вас, как на этом балу. — Сан-Люк показал маркизе на гравюру. — Я стрелялся, но, к несчастью, неудачно!

Маркиза была совершенно ошеломлена этой запоздалой новостью.

— Вы стрелялись? Но я слышу об этом впервые.

— Я бы мог открыть вам свою грудь и показать вам следы от раны на левой половине близ сердца.

— Но как? Вы молчали об этом тридцать лет!

— Я бы молчал и дальше, но теперь я дипломат в отставке, а это, как известно, самый болтливый народ на свете, ибо им есть о чем поговорить.

Маркиза заговорила с глубоким вздохом.

— На дне каждого старого заброшенного колодца есть жаба. Такая жаба живет и в моей душе — это сожаление о том, что не было сделано когда-то, когда это надо было сделать. Я тоже любила только вас. Кто виноват, что мы не соединились — ни вы, ни я, но вы и я вместе с судьбой. Виноват мой отец, который хотел, чтобы я вышла замуж за министра империи, война с Пруссией, семь лет добровольной эмиграции всей нашей семьи в Англию с императрицей Евгенией из-за верности империи, которой мы были стольким обязаны. Когда во времена Мак-Магона мы потом вернулись во Францию, вы были уже женаты и служили где-то на Востоке. Второй раз я отказала вам из самой искренней и настоящей любви к вам. Мне казалось, что вы еще так молоды для мужчины в сорок четыре года, а я в свои сорок лет такая старая дева, что вы будете раскаиваться потом. Живя в Англии, я там изучила Шекспира, а помните, что говорит он: «за браком хромым идет раскаянье». И еще о девственности у старых женщин. А когда вы пришли в третий раз, мне хотелось умереть от стыда, досады, горечи и бешенства. Что могла я предложить вам в пятьдесят лет? Подумайте сами — какая это была бы насмешка над всей моей любовью к вам! Лучше никогда, чем поздно! — сказала я себе... Нет, слово «смешно» здесь ни при чем.

— Нет, все в этом слове! — воскликнул Сан-Люк, становясь на одно колено. — Пусть смеется надо мной, кто хочет, но я объяснюсь вам в любви. Как Наполеон, я могу сказать: сто сорок лет смотрят на вас, Анжелика.

Маркиза поправила:

— Сто сорок четыре, Анри.

В это время вошел лакей, неся на серебряном подносе письма маркизе. Сан-Люк вовремя заметил его, умышленно уронил гравюру со стола и сделал вид, что он стал на колено лишь для того, чтобы ее подобрать. Гравюра разбилась. Сан-Люк и Люсьен ее подняли. Люсьен передал маркизе письма со словами:

— Сегодняшняя почта, маркиза.

Маркиза обратилась к нему:

— Вы уберете, Люсьен.

— Сию секунду, маркиза, — ответил тот и ушел.

Маркиза де Траверсе укоризненно погрозила пальцем Сан-Люку:

— Вы настоящий француз, Анри: выступаете против слова «смешно» и потом разбиваете историю нашей любви и подарок любимой женщине, чтобы не очутиться в смешном положении перед лакеем.

— Я спасал вашу честь от позора иметь возлюбленным такого Мафусаила, как я, — ответил граф, рассматривая гравюру. — При этом гравюра цела, разбилось только стекло. А что касается подарков...

В это мгновение появился Люсьен с ручной щеточкой и совком и стал осторожно сгребать осколки стекла с паркета. Сан-Люк сказал ему тихо:

— Люсьен, возьмите, пожалуйста, в моем автомобиле два пакета и принесите сюда; большой надо нести осторожно за верх.

— Слушаюсь, граф, — поклонился Люсьен и удалился.

Но маркиза догадалась.

— Я так и знала, что будут сюрпризы. Подносить подарки семидесятилетней старухе — уж это действительно смешно.

Люсьен и мадам Дарбье вошли в залу. Он держал двумя руками большой завернутый пакет-коробку, а она несла в руке огромный букет, состоящий сплошь из красных роз.

— Мадам Дарбье, вы меня смущаете вашей добротой, — проговорил Сан-Люк, поспешив к ней навстречу. Та передала ему букет с игривой улыбкой.

— О, это только женское любопытство, граф. Я случайно была на лестнице, когда появился Люсьен с пакетами. Я позволила себе освободить букет от бумаги, надеясь, что вы за это на меня не рассердитесь.

Сан-Люк преподнес букет маркизе.

— Я очень вам благодарен, мадам Дарбье. Видите ли, по всем правилам этикета цветы всегда подносятся сразу. Но не все дамы празднуют день рождения. Когда-то в молодости я поднес цветы одной даме, которая была чрезвычайно неприятно поражена этим, ибо у нее были гости, от которых она, очевидно, хотела скрыть свой праздник. Она спросила меня сурово: «По какому поводу цветы?» Я сообразил свою оплошность и ответил: «Я думаю, мадам, что цветы, как всякое растение, не нуждаются в поводе, а только в благословенном уходе». С этого времени отец определил меня в Дипломатическое Ведомство, и цветы в день рождения я привожу с собой и оставляю внизу в экипаже. Если дама сама напомнит, я появляюсь с букетом, если нет — я подношу букет другой.

Все рассмеялись, и даже образец слуги в хорошем доме, Люсьен, улыбнулся.

— Ах, какой дивный букет! — восторгалась маркиза. — Анри, как я вам благодарна! Цветы я люблю больше жизни.

Между тем Сан-Люк, мадам Дарбье и Люсьен развернули большой пакет, поставив его на стол. Сан-Люк снял стеклянный футляр с тщательно сделанной моделью всего поместья Сан-Этьен с замком посередине. Маркиза смотрела через лорнет. Все кругом рассматривали модель, кроме Люсьена, подбиравшего бумаги на паркете. Маркиза была в восторге.

— Это точная копия нашего замка и всего поместья. Не правда ли, мадам Дарбье? Не правда ли, Люсьен, вы здесь родились?

Люсьен сделал шаг вперед и стал тоже рассматривать, но на почтительном расстоянии и за спиной мадам Дарбье. Все восклицали в один голос:

— Точная копия!

Люсьен подобрал бумажки и ушел. Мадам Дарбье сочла долгом тоже выразить Сан-Люку свой восторг.

— Я никогда ничего подобного не видела, граф. Это могло сделать только лицо, знающее замок до мельчайших подробностей.

— Вот именно! — отозвался Сан-Люк. — Слава Богу, я его знаю! Самый неотлучный и назойливый посетитель за последние тридцать пять лет, не считая времени, проведенного мной вне Франции.

Маркиза де Траверсэ и мадам Дарбье воскликнули одновременно в полнейшем изумлении:

— Как? Это сделали вы сами? И эти аллеи, карликовые деревья и даже фонтан...

Сан-Люк пожал плечами:

— Что же, по-вашему, я не способен сделать такую безделицу? А вот здесь механизм. — Он привел его в движение. — Фонтан бьет. Скромное подражание большим водам в Версале. А здесь, — граф вставил штепсель, — электрическое освещение — замок Сан-Этьен ночью. Луну и солнце я, правда, не решился еще сделать.

Маркиза восхищалась вместе с мадам Дарбье творением гения Сан-Люка.

— В вас бездна скрытых талантов, Анри.

Сан-Люк скромно потупил глаза.

— Чего ни откроет в себе человек, когда ему дадут отставку!

Мадам Дарбье обратилась вдруг с деловым видом к владелице замка и виновнице новооткрытых талантов Сан-Люка:

— Вы хотите чай в обычное время, маркиза?

Та бросила на нее мимолетный, но испепеляющий взгляд.

— Да, да, — в этом отношении я педантка. Я выучилась в Англии пить чай всегда в один и тот же час, мадам Дарбье. Только англичане умеют так распределить свое время, что оно у них всегда остается в изобилии для самих себя.

Мадам Дарбье прикусила губы:

— Я распоряжусь, маркиза, — сухо произнесла она и удалилась так, как будто ей нанесли смертельную обиду.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Маркиза де Траверсэ не скрывала своей радости по случаю ухода мадам Дарбье.

— Мадам Дарбье — типичная представительница нашей буржуазии, Анри, — жаловалась она своему неизменному другу. — Подобострастно-дерзкая, с одной стороны, и завистливая — с другой. Каждым своим движением она хочет сказать: «Я терплю ваши причуды только из-за денег, но ваши времена безвозвратно прошли», а ее взгляд спрашивает: «За сколько можно у вас купить все то, что отличает вас от нас?» Вот, например, она не может мне простить мое «англоманство», как она говорит: то, что я пью чай днем, утром беру холодную ванну, а вечером читаю английские романы. Каждый день она меня спрашивает, буду ли я пить чай и в какое время, а английские романы прячет. Зато по-французски читает мне вслух только об адюльтерах. Я думаю, эти вещи мне совершенно безразличны.

Сан-Люк засмеялся:

— О да, вам никогда не понять древне-египетского изречения о том, что женатый мужчина — это лев в клетке.

На это маркиза серьезно заметила:

— Зато я прекрасно понимаю, Анри, что незамужняя женщина — это только пустая клетка. — Она взяла в руки букет, поднесенный Сан-Люком. — И подумать — всю жизнь я жила среди своих родных и для них, а вот три года, как я совсем одна, если не считать птичьего клюва мадам Дарбье.

— И моего греческого посла — ведь я вас навещаю очень часто, — не преминул благодушно вставить Сан-Люк.

— О, без вас я бы просто погибла, Анри. — Маркиза внезапно заметила в букете записку, взяла ее в руки и прочла. — «Столько роз, сколько лет»... Однако вы все-таки злой, Анри, смеяться над моим возрастом. А я-то восхищалась таким гигантским букетом.

— Читайте дальше. Все записки, в особенности любовные, надо читать до конца.

Маркиза прочла:

— «...моей безответной любви». «Безответной»... Ну, это, как говорят у нас в Англии — *fishing for compliments*. — Она встала, чтобы поставить букет в вазу, и увидела письма на подносе, принесенные Люсьеном. Взяв их в руки, она снова села в кресло. — Вы меня простите, Анри, я только мельком просмотрю почту. После того, как все мои родные умерли, почта — единственная моя связь с внешним миром, связь все более и более хрупкая, так как число корреспондентов уменьшается... Вы плачете, Анри?

По щекам Сан-Люка действительно текли слезы. Он стал вытирать их платком.

— Я оплакиваю мою невесту, с которой никогда не обвенчался. Это у нас в крови, если так можно выразиться — брат моего прадеда заплатил жизнью за слезы над трупом своей невесты Ренэ де Вальмон. Но мой отец соединил два рода — моя мать урожденная де Вальмон. Я думал, что, может быть, когда-нибудь и наши роды, Сан-Люк и Траверсэ, соединятся вместе. А теперь это невозможно. Не удивляйтесь моим слезам, Анжелика. Сегодня утром я получил телеграмму о смерти моей последней внучки в Мексике, она была замужем за секретарем нашей миссии там.

Маркиза всплеснула руками.

— Фелиция, двадцати одного года — умерла!

Сан-Люк тяжело вздохнул:

— Подумайте, у меня было пять сыновей, восемь внуков и внучек, и теперь — ого! Последняя война унесла троих сыновей, четырех внуков и одну внучку, погибшую на Салоникском фронте от шальной пули. Род Сан-Люк кончается мною.

Маркиза тоже горестно вздохнула.

— А род Траверсэ — мною. Война унесла так много моих родных, а кто не был убит, умер потом от горя, болезни или волнений. Последний внучатый племянник умер полгода тому назад в Марокко от ран, полученных в бою. Как я уговаривала его не ехать! Не послушался, поехал и погиб. Бедный Жером! Мне страшно умирать, Анри! Кому достанется все это несметное состояние, возвращенное с такой энергией моим отцом и братьями. Вы знаете, я составила завещание — все должно пойти на устройство института для бедных французских девушек из дворянских. — Вдруг она вынула из пачки одно письмо и стала внимательно его рассматривать, а потом протянула Сан-Люку. — Что это может значить — письмо Виктору де Траверсэ, отправитель Андрэ де Траверсэ из Парижа. Из них первый умер в 1907 году, а второй в 1915-м. Не могут же покойники переписываться! Если же это шутка ко дню моего рождения, то это слишком глупо. Вы дипломат, вы все знаете — объясните мне.

Сан-Люк внимательно рассматривал письмо. Наконец он сказал:

— Это письмо от вашего троюродного племянника Андрэ де Траверсэ, живущего в Париже, к его сыну Виктору де Траверсэ, ныне живущему по соседству с вами.

Лорнет у маркизы упал на паркет; Сан-Люк поспешил его поднять.

— Вы бредите наяву, Анри.

Но Сан-Люк отвечал с прежней невозмутимостью:

— Да, это бред, именуемый историей, Анжелика, — вы не так одиноки, как вам это кажется; у вас есть родственники, законно носящие фамилию Траверсэ — маркизы де Траверсэ.

— Вы смеетесь надо мной, — недоумевала маркиза. — У нас нет боковых ветвей.

— Во Франции нет, но в России есть. Вернее, были, ибо два года тому назад они эмигрировали из России, как их прапрадеды из Франции в 1792 году. Французская революция расколола ваш род на две ветви. Во время Сентябрьских убийств, когда погиб Анри Сан-Люк, один из двух братьев Траверсэ — младший Андрэ бежал в Англию, чтобы устроить бегство всей семье. Это ему не удалось. Виктор, старший брат, был арестован по декрету о «подозреваемых» и приговорен к гильотине. Его не казнили только благодаря гениальной хитрости его сестры Анжелики. Вы носите ее имя. Ваша тетка подкупила сторожа и заняла место брата в камере. Виктор таким образом был спасен. Все это устроил некий Франциск Террье, член Конвента, казненный впоследствии Робеспьером. Почему он это сделал, я не знаю.

Маркиза с жаром подхватила: все, что касалось рода, страстно интересовало ее.

— Он был молочным братом Андрэ и Виктора. Анжелику отвезли на гильотину и, наверное, казнили бы, если бы она не призналась аббату, что она женщина, страдающая сомнамбулизмом, и не имеет никакого понятия, как она попала в камеру. Она назвала себя, конечно, вымышленным именем. Ее освободили, как арестованную по ошибке. Розыски Виктора были направлены по ложному следу. Виктор жил под чужим именем до 18-го брюмера и в консульские времена стал служить Франции под своим именем...

Сан-Люк прервал ее:

— Так вот откуда бонапартизм Траверсэ! Но, если вы так хорошо знаете историю одной ветви, то неужели вы ничего не знали об Андрэ, очутившемся в конце концов в России и оставшемся там навсегда?

— У нас считали его погибшим, — призналась маркиза.

— Но ведь, — Сан-Люк показал на гравюру, — этот самый Нарышкин, вскруживший вам голову во время последнего бального сезона Империи, при мне говорил вам, что его кузина замужем за Траверсэ, помещиком Самарской губернии.

— Я была так молода, Анри. Я сказала отцу, а он рассмеялся и заметил: «Все эти славяне страшные хвастуны и лгуны вроде наших гасконцев». Я думаю, что он боялся моего увлечения Нарышкиным, готовя мне другую партию.

В ответ на улыбку маркизы Сан-Люк тоже улыбнулся:

— Нет, Нарышкин не сочинял. Русские Траверсэ в родстве с Нарышкиными: это я знаю от вашего внучатого племянника Виктора де Траверсэ, внука Нарышкиной, с которым я вчера обедал у Дювэн.

Маркиза даже привстала с кресла.

— Как? Так они действительно здесь, во Франции?

— В 10-ти километрах от вас. Виктор Траверсэ живет у Дюван.

Маркиза окончательно поднялась в волнении с кресла.

— Вы когда-нибудь убьете меня, Анри, вашими дипломатическими сюрпризами. — Она схватилась за сердце. — Дайте мне, пожалуйста, воды. Мое сердце так ослабело после войны и всех драматических событий, с ней связанных для нашей семьи.

Сан-Люк подал ей воду, которую она выпила.

— Благодарю вас, Анри. Но почему вы не сказали мне этого сразу? Право, не сердитесь на меня, но вместо всех этих фокусов с гравюрой, букетом и этой игрушкой, — маркиза показала на модель замка Сант-Этьен, — вы должны были влететь ко мне с криком: «Анжелика, у вас объявились родственники, о которых вы не подозревали — новые Траверсэ!»

Ее собеседник саркастически смеялся:

— В наш прозаический век далеко не все так радуются новым родственникам, как вы сейчас. Теперь признаются в родстве лишь в крайнем случае, когда выгода от этого несомненна.

Маркиза смотрела на Сан-Люка строго и вдохновенно:

— Но ко мне это не относится. Я ношу имя Анжелики де Траверсэ, рискнувшей своей головой, чтобы спасти жизнь брату — это имя обязывает. Я не сделала никаких подвигов вроде Жанны д'Арк и Шарлотты Кордэ, но я настоящая французская женщина и я привыкла к самоотречению. Я принесла в жертву моим родным и мою жизнь, и мою любовь. Да — мою любовь, ибо, если бы я думала только о себе, я осталась бы во Франции и не эмигрировала после падения империи в Англию. Но моя мать тогда умерла, и я была так нужна моему отцу и братьям. Все, что мне осталось, это — быть вам верной в душе, что я и сделала без всякой надежды на наше соединение. В Лондоне, где я пользовалась большим успехом, я отказала одному английскому маркизу, ставшему потом вице-королем Индии. Вот и я выдала вам свою тайну почти через пятьдесят лет после этого события... Но расскажите мне сейчас все — сколько их, где они, кто они, как попали во Францию. Когда вы его видели, этого Андрэ? Почему он у Дюван? Почему вы не привели его прямо ко мне?

Засыпанный этими вопросами, Сан-Люк едва получил возможность отвечать.

— Не Андрэ, а Виктора. Андрэ его отец. Вот видите, пока мы говорили о нашей любви, вы оставались совершенно спокойны — шутили и смеялись; теперь, когда зашла речь о ваших столь отдаленных родственниках, о существовании которых вы только что узнали, вы взволнованы до глубины души. Грозите убить меня, как Шарлотта Кордэ Марата, за то, что я не привез к вам молодого родственника, в высшей степени похожего, кстати сказать, на Дмитрия Нарышкина, своего...

— Ах, Анри, Анри. Вы тоже не понимаете разницы между мужчиной и женщиной — мужчина живет для себя, а женщина для других.

— Позвольте, а общество и государство? — парировал Сан-Люк. — Мы живем для них.

— Но ведь это мужчина сказал: государство — это я. — Маркиза подошла к Сан-Люку. — Вы понять не можете, до чего меня это волнует. Я всю жизнь прожила для моих родных, окруженная их чувствами, интересами, заботами, событиями. Мое несчастье утонуло в окружающем счастье. Потому что, раз навсегда поверьте мне, я действительно любила вас. И теперь последние три года я совершенно одинока. О, это такое ужасное чувство одиночества после такой шумной жизни. Вы меня понимаете, Анри?

Сан-Люк пытался вставить:

— Да, но...

Маркиза решительно перебила его:

— Не сердитесь же, право, что я так взволнована сейчас из-за моих родственников и не плачу при вас о нашем несбывшемся счастье. Я так много пролила тайных слез из-за этого — свидетель Бог. Но стоит ли горевать теперь, когда свеча догорает, о том, как бы она могла гореть, если бы ее зажгли другие — ваши любимые руки. — Она взяла Сан-Люка за руки. — Это прошло, и никакая сила этого не вернет. А ваши новости — это еще сегодня. Я так полна самоотречения, что, если моя догорающая свеча может осветить кому-то жизнь — моим родным, я снова воспряну. Да, если они действительно мои родные...

— В этом не может быть ни малейшего сомнения. Я расспросил Виктора самым подробным образом.

— Тогда расскажите мне все про них или поедem к Дюван немедленно. У нас есть предлог — это письмо. Как он очутился там? Расскажите же...

Маркиза и Сан-Люк уселись.

— Извольте. Ваших родных прогнала из России русская революция, как их предков французская из Франции. Молодого человека зовут Виктор — ему двадцать пять лет, его отца, находящегося сейчас в Париже, — Андрэ: ему больше пятидесяти лет. У Виктора есть брат, моложе его на два года, но тот исчез бесследно в Советской России. Эти имена — Виктор и Андрэ — их семейная традиция. У них есть еще сестра — Тамара, она студентка-медичка — двадцати одного года, учится в Праге. Т-а-м-а-р-а, не правда ли, странное имя!

Маркиза покачала головой.

— Тамара... Такого имени не было в роду Траверсэ, могу поручиться. Но Виктор и Андрэ — это нетрудно запомнить. А почему они все в разных местах, не вместе?

— Отец и сын были вместе в Париже, а сестра в Праге на правительственной студенческой стипендии — чехословацкое правительство содержит несколько тысяч русских студентов, помогая им кончить высшее образование и стать на собственные ноги из чувства славянской солидарности за участие России в освобождении Чехословакии.

— На каком же языке вы с ними говорили — ведь вы не знаете по-русски?

— На французском. Виктор говорит по-французски с детства, как мы с вами. Наш язык — одно из отличительных качеств и необходимый элемент воспитания в высшем русском обществе. Кроме того, он студент-юрист Парижского университета. Правда, по вечерам он работал на вокзале, где писал багажные квитанции. А его отец занимался физическим трудом.

Маркиза воскликнула изумленно:

— Как? Они нуждались?

Сан-Люк снисходительно улыбнулся.

— Вы отстали от политики в вашем романтическом Сан-Этьене, Анжелика. Русские эмигранты не имеют ничего общего с теми великолепными гранд-сеньорами из России, которых мы знали с вами до войны. В особенности внук Нарышкина не похож на миллионера Дмитрия Нарышкина — вашего поклонника. Траверсэ были очень богатыми людьми в России, не менее, если не более богатыми, чем сейчас мы с вами. Но теперь это такие же нищие, как когда-то были наши французские эмигранты. Русская революция оказалась не менее жестокосердной к своей аристократии, чем французская к нашим предкам.

— И ничего не написать мне! — обиделась маркиза.

— Чего же вы хотите? — заступился Сан-Люк. — Откуда им было знать о вашем существовании? Попадая через сто тридцать лет после изгнания на свою первую родину — кому придет в голову разыскивать своих родных? И наконец, если бы они знали о вас, они никогда не обратились бы так просто к вам. Не забудьте — это Траверсэ, настоящие Траверсэ с их щепетильностью в материальном отношении. Достаточно с молодым человеком провести

пять минут, чтобы увидеть, что он предпочтет умереть с голоду, чем рисковать обращением за помощью к чужим людям.

Маркиза возразила возмущенно:

— Но ведь я ему бабушка.

Сан-Люк рассмеялся.

— И с бабушкой надо познакомиться.

Маркиза покачала головой.

— Боже мой! Я должна его отчитать за это. А кто его отец?

— Русский гвардейский генерал. Богатый помещик до революции. Во время войны командовал одним из кавалерийских гвардейских полков при походе русских в Восточную Пруссию в тысяча девятьсот четырнадцатом году. Этот поход имел тогда огромное значение для нас. Потом он был командиром корпуса и даже дивизии. За все услуги, оказанные Франции, этот настоящий французский маркиз занимался физическим трудом в том самом Париже, который он косвенно помогал спасать в начале войны. Мне неудобно было при первом знакомстве с Виктором расспрашивать его более подробно, какого рода была эта работа, но, во всяком случае, физическая.

Маркиза поднесла платок к глазам, чтобы вытереть набежавшие слезы.

— Анри, может быть, я очень глупа в политике, но я считаю это позором для нашего правительства.

— Вас это трогает в силу личных особенностей вашего характера и далеко незаурядных обстоятельств вашей жизни, — спокойно заметил Сан-Люк. — Но в политике такие пустяки, как три с половиной миллиона русских солдат, убитых во время войны, не считаются. Конечно, когда-нибудь, может быть, придет счет и этому кровавому векселю, но то правительство, которому этот вексель будет предъявлен, и будет рассчитываться. Так думают люди, искушенные в политике, знающие, что в парламентском государстве правительство — Калиф на час, но с девизом Людовика XV — «после нас хоть потоп».

Маркиза с негодованием воскликнула:

— Так вы, значит, считаете, что благодарность есть отличительная черта моего характера, а не французского народа?

— Ах, оставьте, пожалуйста, наш народ в покое! Я думаю, он показал всему миру в эту войну, на что он еще способен. Но при чем тут народ! Я говорю только про правительство. Народ ни в одной стране не ответствен за свое правительство. Если же с нашими политиками заговорить о «русском вопросе», они закричат: а большевистская измена, а Брест-Литовск, а царские долги? Как будто люди, умершие от германских пуль или ограбленные русской революцией и эмигрировавшие за границу, не желая подчиниться большевикам, могут отвечать за тех, кого они считают своими злейшими врагами.

— И много этих русских эмигрантов?

— Сотни тысяч, рассеянных по всему земному шару.

Маркиза де Траверсэ направилась к письменному столу.

— Анри, я просто французская женщина, я не отвечаю за правительство, но я хочу думать не только о своих родных. Я ведь тоже в юности была эмигранткой.

Она вынула из ящика стола чековую книжку. Сан-Люк залился самым бесперемонным смехом.

— Чек на 10 тысяч франков? — спросил он язвительно.

Смущенная его неожиданным смехом, маркиза ответила:

— Я хотела на 100 тысяч.

— Оставьте! — решительно остановил ее Сан-Люк. — Никогда не торопитесь переводить ваши хорошие чувства на кредитные билеты. Деньги — лекарство с сильнодействующим ядом, ими нужно пользоваться осторожно и наверняка. Иначе рискуете ошибиться адресом.

Конечно — широкая масса русских эмигрантов бедствует, но вот вам пример. На прошлой неделе в одном из самых изысканных ресторанов Парижа встречаю я моего коллегу по дипломатическому корпусу на Дальнем Востоке — русского дипломата, одного графа с немецкой фамилией. Вид у него был прежний, как в самые лучшие времена. И что же вы думаете, хотя в России он лишился миллионного состояния, но в одной балтийской стране у него карандашная фабрика. На мой вопрос об источниках его средств — он мне рассказал, что к моменту большевистского переворота он был посланником в одной стране, и дабы спасти правительственные фонды от большевистской конфискации, он перевел их на собственный текущий счет, а засим «занял» у самого себя один миллион золотых рублей. Когда я заметил, что ему придется за это отвечать, он засмеялся мефистофельским смехом и серьезно прибавил: «Что же вы думаете, у такой мировой державы, как Россия, во время войны не было соответствующих правительственных фондов за границей?» — Сан-Люк взял чек в руки. — Думайте только о ваших родных, Анжелика. А этот чек разрешите разорвать. — Он разорвал его, не дожидаясь разрешения маркизы. — Поверьте, если бы все относились к своим родным, как вы, то Лиге Наций не пришлось бы заниматься «русскими беженцами», а некоторым правительствам иметь специальную графу в бюджете по этому предмету.

Маркиза смотрела хитро на Сан-Люка:

— Но почему вы думаете, что я буду заботиться о своих родных? Я даже не спросила, как Виктор попал к Дюван.

— Я читаю ваши мысли, Анжелика, — Сан-Люк смеялся тихим и лукавым смешком. — Виктор попал к Дюван инструктором по теннису после того, как один англичанин отказался, предпочтя полунейтральные доллары нашему победоносному франку. Жанна ведь студентка-юристка и с Виктором познакомилась в университете. А так как он прекрасно играл в теннис, то они его пригласили к себе. Вернее, Жанна. Вы ее помните?

— Еще бы. Ей теперь лет двадцать. И говорят, она богатая невеста.

— Совершенно верно, и она настоящая красавица, постольку, поскольку может ею быть современная девушка, которая носит микадо, модные (между нами — кабарежные) платья и занимается спортом до одури. К тому же, ирония судьбы, она будет адвокаткой вместо того, чтобы попасть на скамью подсудимых за оскорбление женской красоты, изуродованной ею в сообществе с XX-м веком. Ее последнее увлечение — теннис. Виктор действительно чудный игрок, я сам видел его теперь за игрой, и он с радостью согласился на их условия: 3000 франков на всем готовом. Для бедного русского эмигранта это клад. А Дюван, как всем нынешним, нужна роскошь, культура, вкус, словом все аксессуары богатства, кроме денег, которых у них в изобилии.

— Раз есть деньги — будут и аксессуары, — с убеждением сказала маркиза. — Подумать — Дюван были нашими арендаторами когда-то, и мы за их бедностью прощали им половину арендной платы. Я помню, еще 15 лет тому назад мадам Дюван приходила к нам на балкон в плохую погоду, держа на руках своего очередного ребенка и свои башмаки, которые она берегла для хорошей погоды. Мы всегда изумлялись их неосторожному и упорному плодородию, а они отвечали: «Мы работаем для Франции и своей старости». И что же? Я слышала, действительно дети принесли им состояние. Старшие сыновья мальчиками эмигрировали в Америку и вернулись с американскими лейтенантами во время войны во Францию. У американцев они играли большую роль, а отец их стал одним из заведующих американскими складами. А теперь говорят — миллионер.

Сан-Люк философически ответил:

— Это наш послевоенный нувориш — Мольеровский *bourgeois-gentilhomme*, подбитый Шекспировским Шейлоком. Дюван сделал свое состояние во время и за счет войны. Он вырезал фунт мяса из тела Франции, не пролив ни одной капли человеческой крови, но получив все возможные ордена и отличия. Как-нибудь я вам расскажу все подробно, а теперь пойдем к

ним, если хотите, тем более, что они просили меня поговорить с вами об аренде или продаже одного участка земли для теннисной площадки.

— Продажа — нет, аренда — да, но теперь без всяких «прощений», — заключила маркиза, увидев в дверях входившую в залу мадам Дарбье.

Та произнесла сакраментальную фразу:

— Можно приказать подать чай, маркиза?

— Да, да. Пожалуйста, распорядитесь, моя дорогая, — как можно любезнее ответила маркиза и после ухода мадам Дарбье обратилась к Сан-Люку: — Я думаю не посвящать мадам Дарбье в эти дела.

— Надо щадить чувства человека, с которым живешь, хотя бы самые низменные, — угадывал мысли маркизы ее собеседник. — К чему преждевременные разговоры с людьми по неприятным для них делам.

В это время вошла мадам Дарбье, и за ней Люсьен вкатил стеклянный столик на колесах с сервированным на нем чаем.

Маркиза, как бы «продолжая» начатый разговор, говорила Сан-Люку:

— III Республика оценила ваши дипломатические таланты по заслугам, Анри.

Сан-Люк глубокомысленно возразил:

— Нет, она поступила со мной коварно. Если на одну чашку весов положить все, что сделала для Франции III Республика, а на другую все, что мог бы сделать я, если бы мне не мешали, то первая чашка взлетела бы выше Эйфелевой башни. Будь я министром иностранных дел, я женил бы Вильгельма II на французской принцессе, восстановил бы во Франции Бурбонов, обещав ему союз, поднял бы его на войну с Англией и Россией и... в критическую минуту остался бы нейтральным. Альфа и омега современной дипломатии — в войне выигрывают не воюющие, а нейтральные. Мы получили бы Эльзас и Лотарингию в награду за свой нейтралитет. Что вы думаете о моем плане, мадам Дарбье?

Мадам Дарбье в этот момент разливала чай. Не прекращая своего занятия, она авторитетно сказала:

— Ни одна французская принцесса не пошла бы замуж за Вильгельма II, граф.

Сан-Люк радостно подхватил:

— Второй раз слышу это. Первый раз мне сказал это сам Вильгельм, когда я намекнул ему на это, оставшись с ним наедине. Бедняга, он глубоко вздохнул и прибавил: «Никогда не прошу вашим соотечественникам, что они не хотели меня пустить в Париж, а Эдуард VII провел там лучшую часть своей жизни». Если бы я имел власть, я пустил бы племянника по стопам дяди, и Франция не знала бы войны.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Гостиная в вилле Дюван по соседству с замком Сан-Этьен маркизы де Траверсэ представляла несомненный антипод «большому залу» замка по полному отсутствию стиля, вкуса и порядка. Она была наполнена разнообразной мебелью, ничем необъяснимым капризом злого гения здесь собранной: типичная обстановка внезапно разбогатевших выскочек, в общем — не то мебельный склад, не то антикварный магазин. Казалось, все эти предметы с изумлением созерцали друг друга и обменивались одним и тем же вопросом: «И вы здесь, какими судьбами попали?» Наряду с массивной, кожаной современной английской мебелью недоуменно ютились драгоценные безделушки разных эпох и стилей. На стенах картины тоже поражали разнообразием сюжетов и их негармоничностью: готический собор, купающиеся нимфы и коронация Людовика XV рядом с футуристическими произведениями XX века...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.